

Полонез Огинского

„Был у меня когда-то край родной”.
Генрих Гейне.

ДАНИК

До революции Краснополье было большим еврейским местечком, перед войной оно стало посёлком, в котором евреев стало поменьше, а после войны посёлок превратился в городской посёлок, и евреев в нём можно было пересчитать по пальцам, а сейчас в нём вообще не осталась евреев...

Но правил без исключения не бывает. После чернобыльской аварии, когда радиация поутру тёплым майским дождем сошла на краснопольскую землю, старые специалисты правдами и неправдами стали покидать Краснополье, и в посёлок стали присылать новых.

И однажды мама, которая работала медсестрой в рентгенкабинете, сказала за ужином папе:

– Наум, ты знаешь, к нам прислали нового рентгенолога. Из Минска.

– И что в этом удивительного, – сказал папа. – Скоро из старых врачей у вас не останется ни одного, и новые, я тебя уверяю, тоже ненадолго. Отбудут свой срок и уедут. Они побольше нас с тобой знают, что делается в Краснополье. Небось, семья вашего рентгенолога осталась в Минске?

– Ошибаешься, – сказала мама, – он приехал с семьёй сюда. Жена у него гинеколог. А дочка ровесница нашего Даника. И, кстати, – мама таинственно посмотрела на папу и сказала, – он еврей! И знаешь, как его звать? Израиль Яковлевич! Он родом из Бобруйска. А жена у него белоруска Алеся Адамовна! Их поселили в райисполкомовском доме напротив райкома.

– Ты всё сразу знаешь, – хмыкнул папа, – как будто первый секретарь райкома.

– Всё, – согласилась мама, – и даже немножко больше.

– А как звать их дочку? – спросил я.

– Соня, – сказал папа, подмигнув маме и округлив глаза. – Наш Данник стал интересоваться девочками.

– Я просто так, – сказал я. – Мне просто интересно, как звать девочку, у которой папу звать Израиль, а маму Алеся.

– Да, любопытно, – сказал папа и поправил очки, – с филологической точки зрения, как говорит наш сын.

– Не знаю сегодня, – развела руками мама, – но завтра буду знать.

Но на завтра имя девочки я узнал раньше мамы. Ибо уже на первый урок в наш класс привели новенькую. Привела её Зоя Филимоновна, наша классная.

– Это Даша, – сказала она, представляя девочку. – Она будет учиться в вашем классе. А раньше она училась в Минске.

Весь класс оценивающе посмотрел на Дашу, я на её месте тотчас бы покраснел, а Даша даже не моргнула глазом. Она повернулась к Зое Филимоновне и спросила:

– Я могу сесть?

– Конечно, – кивнула химичка, – а ты уже выбрала место?

– Да, – сказала Даша.

Я не знаю, как вам это объяснить, но, увидев Дашу, я впервые в жизни услышал, как стучит моё сердце. Оно стучало, как настенные дедушкины часы, которые папа каждый вечер заводил большим ключом. Тик-так, тик-так... Таких красивых девочек я никогда раньше не видел. И, наверное, никто в нашем классе не видел.

У нас в классе было свободных три места: рядом с Колей Гороховым, рядом со мной и рядом с Эдиком Миллером. Из нас троих я более всего не подходил для Даши: она была почти на голову выше меня! Это сейчас я вымахал в Гулливера, а тогда я был самый маленький в классе, и к тому же самый тихий.

– Без права голоса! – как объявил мне раз и навсегда Вовка Царёв, мечта всех девочек нашей школы и „цар” всех школьников от первоклашек до выпускников. Это слово он произносил по-белорусски, без мягкого знака. Он никогда не повторял свои слова дважды и все знали, что не выполнить его слово – это обречь себя на жестокое избиение в назидание.

ние потомкам. В отличие от нас, он на каждом уроке менял себе соседа, выбирая соответствующего знатока в нужной ему в эту минуту сфере знаний. Иногда на биологии я удостоивался чести сидеть с ним. На химии с ним сидел Колька-Пробирка, который в химии знал всё и ещё чуть-чуть, как говорила наша химичка.

И, конечно, увидев Дашу, Цар решил сделать царский жест. Он, опережая Дашин выбор, столкнулся со своей парты Пробирку и повелительно сказал, обращаясь к новенькой:

– Прошу, миледи! Место ждёт вас!

Колька моментально перескочил на мою парту и виновато сказал:

– Приказ Царя!

Даша посмотрела на Царя, улыбнулась и... направилась к моей парте. Подойдя, она положила сумку на крышку парты и, глядя прямо в глаза Пробирке, сказала:

– Пожалуйста, вернись на свое место. Здесь буду сидеть я.

Глаза Кольки забегали, как у мышонка, попавшего в мышеловку, он посмотрел на Царя, потом на Дашу и встал. Какое-то мгновение стоял, не зная, куда податься, потом, метнув извиняющий взгляд на Царя, уместился на краешке Эдикиной парты. И Даша села возле меня.

Класс замер в ожидании перемены. Мой друг Вадик, который сидел за мной, прошептал:

– Бить будут...

В этот день у нас была контрольная по химии, но всем было не до неё. Особенно мне. А Даша спокойно справлялась с формулами, как будто гроза, нависшая над классом, её не касалась. И тогда я, не выдержав, написал на промокашке: „Ты обидела Вовку-Цара. Он бить будет!” и пододвинул её к Даше. Она пробежала глазами моё послание и приписала внизу: „Чепуха!”

После звонка на перемену, когда Зоя Филимоновна, собрав тетрадки, вышла из класса, все, как по команде, повернули головы в сторону моей парты. Вовка медленно поднялся со своей парты и медленно подошёл к нам. Он остановился возле меня и, растягивая каждое слово, сказал:

– Растворись! – и замер в ожидании моего исчезновения.

Раньше я бы растворился, исчез, пропал, уполз, размазался бы по стенке, но сейчас возле меня сидела Даша, и я остался на месте, вжавшись в парту. Цар удивлённо посмотрел на меня: мол, девочка не знает местных законов, но ты должен их знать, как дважды два четыре!?

Он хмыкнул и повернулся к последней парте, за которой сидел его личный палач Санька Дылдин:

– У еврейчика что-то со слухом. Он не понимает по-русски. Переведи ему по-еврейски.

Санька хихикнул и поспешил ко мне. Я ещё больше вжался в парту и замер в ожидании боли, прикрыв ладонями уши. Санька протянул к моим ушам руку, и в эту минуту Даша, до этого спокойно сидевшая рядом, вскочила и, на лету перехватив его руку, резко потянула её на себя, и Дылда, закружившись на месте, как волчок, сделав пируэт в воздухе, растянулся на полу и замер, не соображая, что произошло. А Даша следующим движением ткнула ладонью Царя, и тот, сложившись, как перочинный ножик, медленно сел на пол.

– Тэквандо, – сказала Даша незнакомое нам слово, и пояснила, – у меня третий дан!

Класс на мгновение замер. А потом Таня Спицына, наш комсорг, растерянно сказала:

– А у Царя мама секретарь райкома!

Мы это и без неё знали. Сказала она это не для нас, а для новенькой. И новенькая ей ответила:

– А у меня мама врач. Это более нужная профессия!

Вечером, когда я дома рассказал о случившемся, папе больше всего понравились в этой истории слова Даши.

– Умная девочка! – сказал он.

– Ой, – сказала мама, – ничего умного я в этих словах не вижу. Не дай Б-г, эти слова дойдут до Клавдии Петровны!

– Сталинские времена прошли, – заметил папа.

– Неважно, – сказала мама. – Им и сейчас хватает власти, чтобы устроить вырванные годы, кому захотят.

- И что они сделают? – хмыкнул папа. – Уволят?
- Уволят! – согласилась мама.
- Так они уедут с этой радиации и ещё скажут им за это спасибо! – засмеялся папа.

Позже, когда мы с Дашей стали друзьями, я как-то у неё спросил, почему она из всего класса выбрала меня.

И Даша сказала:

- У тебя добрые глаза.
- И что из этого? – сказал я.
- Мой дедушка, мамин папа, – художник, – сказала Даша, – он рисует портреты. И он мне сказал, чтобы понять человека, надо посмотреть ему в глаза. Если они добрые, значит, и человек добрый. Ты – добрый, и поэтому я тебя выбрала.
- И у тебя добрые глаза, – сказал я.

Но Даша возразила:

- Нет, у меня глаза зелёные, как у кошки. А кошки не всегда добрые. Они разные. И я разная. Иногда совсем-совсем не добрая. Дедушка нарисовал меня с кошкой в руках. И глаза у нас с кошкой на этом портрете одинаковые. Малахитовые, как говорит дедушка. Этот портрет висит у меня над кроватью. Кстати, он свою кошку зовёт, как и меня, Дашкой. И имя мне он придумал. Говорит, шляхетное! Паненку так звали в их деревне.

Даша вошла в мою жизнь совершенно неожиданно. Я вдруг неожиданно повзрослел. И так же неожиданно для самого себя я вдруг почувствовал, что не могу жить без Даши. Мне хотелось её видеть, слышать её голос, думать о ней. О своём состоянии я почему-то сказал не маме, а папе. И папа сказал:

- Ты, Даник, влюбился.

И я сказал:

- Папа, мне не хочется расставаться с Дашей!
- А почему ты должен расставаться? – спросил папа.

Я удивлённо посмотрел на него: неужели забыл? И сказал:

- Мы же едем в Америку!

Летом мы прошли интервью в американском посольстве и могли уже ехать в Нью-Йорк, где жили папины сёстры, но мама решила задержаться с отъездом, чтобы я смог закончить школу.

- Я тогда хотел, чтобы время пробежало быстрее, но тогда я не знал Дашу! – сказал я папе. – Ты знаешь, как мне теперь плохо?

– Знаю, сынок, – сказал папа. – Но ты же расстанешься с Дашей не навсегда, ты будешь писать ей письма, а потом, когда подрастешь, приедешь за ней, женишься и привезёшь её в Америку.

- А мне можно про это сказать Даше? – спросил я.

Мы никому в Краснополье не говорили, что собираемся ехать, и мама строго-настрого предупредила меня молчать:

– Кто знает, что и как получится, – сказала она. – Скажем обо всём в последний день. И то, самым близким друзьям. В Славгороде за день до отъезда вырезали еврейскую семью. Думали, что они золото вывезти собрались!

- У нас золота нет, – сказал папа.

- У них тоже не было, – сказала мама. – Я вам сказала – молчите! И всё!

И мы молчали. Но мне очень хотелось об этом сказать Даше. Я чувствовал, что Даша меня успокоит и мне станет легче. И папа это понял:

- Скажи, – сказал он.
- А мама что скажет? – спросил я.
- Я с мамой поговорю, – сказал папа.

И я рассказал всё Даше.

Даша молча, не прерывая меня, выслушала мой рассказ, потом, задумавшись, сказала:

- Мне тебя будет не хватать.
- И мне тебя, – сказал я.
- Но, слава Б-гу, ты не на войну едешь, как говорит моя бабушка, папина мама. Она всегда так говорит, когда что-нибудь не получается, как мы хотим. И ещё она всегда не забы-

вайт сказать: раз не на войну, значит, всё ещё будет у нас хорошо! – Даша осторожно дотронулась рукой до моей руки. – Всё будет хорошо! Ты же едешь не куда-нибудь, а в Америку. Там тебе будет хорошо. А если тебе будет хорошо, значит, и мне будет хорошо. А потом ты приедешь за мной.

– Да, – сказал я.

– И привезёшь мне Барби, – сказала Даша.

– Кого? – переспросил я.

– Кукла такая есть, американская, – сказала Даша, – в Минске у нас в классе, у одной девочки папа работал в ООН, и у неё была Барби. Это, правда, было в первом классе. Но я и сейчас помню, как я хотела иметь такую куклу.

– Я привезу тебе Барби, – пообещал я.

– У нас впереди ещё почти два года. Давай пока не думать про отъезд, – сказала Даша. – Хорошо?

– Хорошо, – согласился я.

Но два года неожиданно сжались в полтора месяца: в жизни не всегда всё можно заранее предугадать. Где-то перед Новым годом мы получили письмо из посольства, в котором интересовались причинами нашей задержки с отъездом. И вслед за этим письмом пришло письмо от тёти Розы. В нём она, как говорит папа, метала огни и молнии в наш адрес и требовала, чтобы мы незамедлительно выехали: у них там все говорят, что могут вообще закрыть въезд в Америку и мы не понимаем, что играем с огнём, а Даннику даже лучше будет, если школу он закончит в Нью-Йорке, а не в вашем идиотском Краснополье.

– Может, Роза и права, – сказал папа. – Здесь тоже может всё поменяться. И мы остаемся при своих чемоданах.

Мама, как всегда, два дня думала, прикидывала, как лучше поступить, и, в конце концов, согласилась со всеми, что надо ехать сейчас. И её аргумент был убедительней всех:

– Я, как дура, тяну время и держу ребенка в радиации!? У меня есть голова на плечах или нет?

Даша, узнав о приближающемся дне моего отъезда, вздохнула и согласилась с маминим доводом:

– Мне, конечно, Даник, очень хочется, чтобы ты здесь оставался подольше, но мама твоя права. Мой папа говорит, что здесь очень большая радиация. И продукты грязные... Не переживай, мы увидимся!

– Увидимся! – сказал я.

И почему-то не поверил в сказанное. К горлу подступил комок, и я едва удержался, чтобы не заплакать. Ведь Даша сказала как-то, что мужчины не плачут.

Уезжали мы за день до 8 Марта. Заказали автобус на чериковской автобазе, и он должен был приехать за нами в три часа ночи. В этот вечер в клубе было торжественное собрание, посвященное женскому дню, а после него концерт. Давали его преподаватели и ученики нашей музыкальной школы. Выступала на нём и Даша.

– Куда ты пойдешь, – сказала мама, – ночью нам уезжать!

– Я послушаю Дашу и сразу уйду, – сказал я и с надеждой посмотрел на маму.

– Пусть идёт, – сказал папа. – В автобусе отоспится.

И мама согласилась.

Даша выступала в первом отделении. Постоянный наш ведущий Сашка-цыган объявил выступление Даши:

– Ноктюрн Шопена.

Даша вышла на сцену. Посмотрела в зал. Увидела меня. И пошла не к пианино, а к микрофону.

– Я сегодня буду играть не ноктюрн Шопена, – сказала тихим голосом Даша, – а полонез Огинского. Он называется „Прощание...– она на мгновение замолкла, потом закончила предложение, – с Родиной”, – и пошла к пианино.

И я понял, что это прощание Даши со мной.

Вместе со звуками музыки дрожь побежала по телу, и я, как во сне, вместе с Дашей, побежал в город нашей любви. Даша крепко держала меня за руку, но потом налетевший от-

куда-то ветер разорвал наши руки, и мы разлетелись, как птицы, напуганные стрельбой. И когда замер звук и стоящий за мной мужчина спросил:

– Тебе плохо, мальчик? – я очнулся.

И сразу увидел почему-то Дашину маму.

В клубе было очень много народа. Но увидел почему-то я только её. Она вытирала слёзы. А потом меня отыскала Даша.

– Спасибо, что пришел, – сказала она. – Я тебя очень хотела видеть.

– И я тебя, – сказал я.

– Ты будешь до конца? – спросила Даша.

– Нет, – сказал я, – ты же знаешь, в три часа уезжаем. Надо идти домой.

– Я приду провожать, – сказала Даша.

– Не надо, – сказал я, – спи!

– Приду, – возразила Даша.

И пришла. Успела буквально в последнюю минуту. Автобус уже выехал со двора и разворачивался возле военкомата. И в это время я увидел её. Автобус остановился, и я выскочил к Даше.

– Еле успела, – сказала Даша, – хорошо, что мама будильник поставила. Я не спала, не спала, а в последнюю минуту задремала, – и Даша протянула мне дедушкину картину, которая висела у неё над кроватью, её любимую Дашу с Дашкой, – это тебе, – сказала она, – будешь смотреть на её и вспоминать меня, – потом она обняла меня и прошептала в ухо, – я люблю тебя! – и поцеловала.

Меня первый раз в жизни поцеловала девочка. Я заморгал от растерянности. А Даша заплакала. И я сжал губы, чтобы не заплакать. Мама, поняв наше состояние, выскочила из автобуса и обняла Дашу.

– Что ты, Дашенька, плачешь? Вы увидите ещё! Обязательно. Он придет и сразу тебе напишет! – мама говорила ей то, что сказать должен был я, но я не мог сказать ни слова, ибо слёзы переполняли меня...

Всю дорогу до Минска я молчал, держа на коленях Дашин подарок. И папа с мамой тоже молчали. Расстался я с картиной, когда таможенники начали осматривать наши вещи. Высокий полнолицый парень взял в руки картину и, повернувшись к маме, спросил:

– У вас есть разрешение Министерства культуры?

– Нет, – растерянно сказала мама. – Это сыну подарила девочка буквально перед отъездом. Это её портрет!

– Понимаю, – сказал таможенник и вздохнул, – но по закону нельзя пропускать. Вас кто-нибудь провожает?

– Нет, – сказала мама.

Парень посмотрел ещё раз на картину и повернулся ко мне:

– Оставляешь невесту, – сказал он.

– Да, – сказал я и с надеждой посмотрел на него, – пожалуйста, не забирайте картину.

Он задумался, а потом в сердцах сказал:

– Воссоединение семей!? Кто-то воссоединяется, а кто-то разъединяется. Не просто в жизни устроено. У меня девушка осталась в Литве. В соседней деревне живёт. А сейчас это уже за граница, – он махнул рукой и протянул мне картину. – Бери!

– Спасибо, – сказал я.

Таможенник подмигнул мне и сказал:

– Дай вам Б-г не растеряться! – и ушёл.

И картина осталась у нас.

В Нью-Йорке, в аэропорту, нас встречали папины сёстры. И тётя Беття спросила:

– Ну как таможенники поиздевались над вами? Когда мы летели из Ленинграда, эти газлуным устроили нам вырванные годы!

– А у нас были хорошие люди, – сказал я.

– Среди них есть хорошие? – удивилась тётя и посмотрела на папу. – Даничка, ты, наверное, проспал таможенню?

– Беття, – сказал папа, – нельзя всех мерить под один аршин, как говорила наша мама. У нас были даже очень хорошие люди!

– Может быть, – сказала тётя, оставшись в душе при своём мнении.

Как только мы устроились с жильём, я написал письмо Даше. И стал ждать ответа. А ответ не приходил. И я написал новое письмо. Второе, третье, четвертое... Папа говорил, что письма идут пароходом и поэтому надо ждать месяца три-четыре, а мама говорила, что они не доходят, их вскрывают на почте, ищут доллары. А потом, примерно через полгода, вернулось моё первое письмо с припиской, что адресат выбыл в неизвестном направлении. А потом вернулись второе, третье..., десятое.

Я очень переживал. И папа с мамой, как могли, успокаивали меня. И папа сказал:

– Станешь взрослым, получишь паспорт и съездишь в Краснополье, поищешь Дашу, а пока надо учиться и взрослеть!

И я стал учиться и взрослеть.

ДАША

Когда я вернулась домой, проводив Даника, мама не спала.

– Тебе плохо? – спросила мама.

– Плохо, – сказала я. – И мне не хочется говорить.

– Ложись, – сказала мама.

И я легла не раздеваясь. И долго смотрела на гвоздь на стене, на котором висела дедушкина картина. И думала, что, наверное, не надо было дарить картину, потому что я на ней слишком красивая, а в жизни я хуже. Данник будет представлять меня такой, как я на картине, а потом увидит, какая я есть, и разлюбит. А приедет он через много-много дней, и я буду совсем-совсем другой. Я долго думала про это, может час, а может два, а потом не выдержала и окликнула маму и рассказала ей про это.

– Глупенькая, – сказала мама, – ты будешь ещё красивее.

– Откуда ты знаешь? – спросила я.

– Я всё знаю, – ответила мама, – и что было, и что будет!

– Как цыганка? – спросила я.

– Как мама, – сказала мама.

– Тогда скажи, Данник напишет мне или нет? – попросила я.

– Напишет, – сказала мама.

И я стала ждать письма. Каждый день, приходя из школы, я прежде всего смотрела почту. Но письма из Америки не было. И так прошло два месяца. А потом папа пришёл раньше времени с работы и сказал, что облздрав их с мамой переводит в Гомельскую область, в Калинковичи.

– Им кажется, что здесь мы набрали не все рентгены и нам решили их добавить, – сказал папа, – так что опять в путь-дорогу!

– А как меня найдёт Даник? – испуганно спросила я.

– Если судьба, то найдет, – сказал папа. – А если нет, то на нет и суда нет. Такие вот пироги, евробелка!

Евробелкой меня зовёт папа: когда мне было пять лет, я как-то в детсаде узнала, что у меня папа еврей, а мама – белоруска. А кто я, мне не сказали. Я пришла домой и спросила у мамы:

– А кто я?

– Спроси у папы, я в таких сложных вопросах не разбираюсь, – сказала мама.

А папа выслушал меня, подумал и сказал:

– Ты евробелка.

– Почему? – спросила я.

– Потому что у тебя папа еврей, это значит евро, а мама белоруска – это значит белка, вот и получилось евробелка! – объяснил папа. – Довольна?

– Довольна, – сказала я.

А потом я про это спросила у бабушки Розы. И бабушка сказала:

– Если по еврейским законам, то национальность по маме, и ты – белоруска, а если по белорусским законам, то по папе, и ты – еврейка. Так что, кем хочешь, тем и будь!

А дедушка Адам объяснил все по-другому:

– Все люди от Адама и Евы. Так что ты Адамова внучка!

– Твоя? – уточнила я.

– И моя, – согласился дедушка.

Так меня дома и зовут: то евробелка, то Адамова внучка. Я как-то про это рассказала Данику, и он сказал, что будет меня звать просто белкой. И покупать мне орешки, которые я очень люблю. Если бы он знал, в какое колесо попала его белка?

В последнюю неделю перед отъездом из Краснополя я, каждое утро просыпаясь, колдовала, как маленькая девочка:

– Пожалуйста, пожалуйста, пусть сегодня будет письмо от Данника!

Но письмо не пришло... И мы уехали.

Из Калинковичей я послала письмо на краснопольскую почту и очень просила переслать мне письмо, если придёт на мой старый адрес. Но никто мне не ответил. Значит, не твоя судьба, как сказал папа. А какая моя судьба?

А моя судьба оказалась совсем-совсем нехорошей. Через несколько месяцев после переезда в Калинковичи неожиданно умерла мама. Пришла с работы, прилегла отдохнуть и не встала. И осталась я с папой. А потом к нам приехал дедушка Адам. И папа сказал, что бабушка Роза из Бобруйска уезжает в Израиль.

– И ты поедешь с ней, – сказал папа, – мы с бабушкой подумали, что так будет лучше.

– А ты? – спросила я.

– А я пока останусь здесь, – сказал папа. – Надо маме поставить памятник, управиться с кой-какими делами. А потом приеду к вам.

– И я останусь с тобой, – сказала я. – А потом приедем вместе.

– Надо, внучка, тебе ехать сейчас, – возразил мне дедушка. – Сама понимаешь, бабушка Роза очень старенькая, и с переездом ей одной не управиться.

– А пусть она подождёт нас с папой, и вместе поедет, – сказала я.

– Бабушка не может ждать, – сказал папа. – Ей срочно надо делать на сердце операцию.

– И эту операцию могут сделать только за границей, – сказал дедушка.

Я не хотела оставлять папу одного. Я каким-то третьим чутьем чувствовала, что мне что-то не договаривают. На душе было совсем плохо...

Улетали мы с бабушкой из Минска. Папа с бабушкой провожали нас. Перед барьером с таможенниками папа прижал меня к себе и долго так стоял, пока дедушка не тронул его за руку:

– Им пора уже!

– Пора, – папа ещё крепче прижал меня к себе, поцеловал и отпустил. – Будь счастлива, дочка!

– До встречи, папа, – сказала я.

Он ничего не ответил.

Бабушка всё время плакала: и в аэропорту, и в самолёте, и в Израиле. Она всё знала. Не знала только я, что папа смертельно болен и осталось ему жить считанные месяцы, и он не хотел, чтобы я мучилась, присутствуя при его последних днях... Он не успел поставить памятник маме, и дедушка поставил памятник им обоим...

Мы с бабушкой поселились в Тель-Авиве, недалеко от торгового центра „Кикар Атарим“. Бабушке сделали операцию, но ей стало хуже, она с трудом стала передвигаться и почти всё время проводила дома, сидя у окна. Из нашего окна был виден краешек моря. И бабушка всё время меня спрашивала:

– Там за морем Бобруйск?

– Да, – говорила я.

И бабушку это радовало.

Я окончила школу хорошо, но решила поступать учиться после службы в армии. Идти служить мне надо было в сентябре, и я на несколько месяцев устроилась продавщицей в ювелирный магазин. Держали его бывшие киевляне. Заправляла всеми делами хозяйка Елизавета Марковна, а хозяин Лев Львович в основном курил, сидя в кресле возле магазина. Когда жена начинала шуметь, что он ничего не делает, он, не вставая с любимого кресла, поворачивал голову и спокойно говорил:

– Ша! Я работал там, чтобы ты могла работать здесь! Начальник ОБХС плакал, когда я уезжал. Эта девочка не знает, почему он плакал, но ты знаешь! Так что дай мне спокойно

пожить оставшиеся годы. И видеть во сне эту девочку, а не эти бриллианты, от которых мне тошнит!

После этого Елизавета Марковна ворчала минут пять, а потом говорила мне:

– Ты думаешь, он там ворочал делами? Нет, это я ворочала своей головой и там, и тут. И благодаря мне он просидел спокойно двадцать лет в „Ювелирторге”. А без меня его бы посадили в первый год, не дай Б-г! Я ему все отчёты делала, и так делала, что ни один комар не мог подточить носа! Но мужчины всегда считают, что, раз они носят штаны, значит, всё держится на них! Пусть так считают, а мы будем считать денежки, так говорила моя мама, самая умная женщина в Виннице.

Бабушка очень любила слушать мои рассказы о разговорах Елизаветы Марковны и Льва Львовича. Во всех историях она всегда была на стороне Льва Львовича.

– Мужчины всегда правы, – учила меня бабушка житейской мудрости. – Они – большие дети! А что надо ребёнку? Казаться взрослым! Твой дедушка Рахмиил кроме своей бухгалтерии ничего не знал, но любил давать советы по любому поводу! И я говорила – хорошо, ты прав, я сделаю, как ты говоришь, и делала, как я знаю. И прожили мы жизнь, дай Б-г каждому! Спроси любого в Бобруйске, и он тебе скажет, что умнее Рахмиила там не было человека. А всё потому, что я создавала ему авторитет! Каким мы создадим мужчину, таким он и будет! Какой был у Хаи-балабосты из Касриловки муж?! Не голова, а Дом Советов! А она на каждом углу кричала, что он мишугенер. И что ты думаешь? Все считали его дураком! Даже Мома-дурак говорил, что он умнее Хайкиного Аврома!

Все разговоры о жизни бабушка заканчивала одним и тем же:

– Дашечка, я всё это говорю не просто так. Я тебя учу жить. И ещё я тебе хочу сказать, что мне не двадцать лет и скоро меня позовут, куда надо, и я не хочу тебя оставлять одну: пора тебе иметь жениха. Если бы мои ноги ходили, я бы тебе давно нашла хосуна. А так что я могу делать? Тебя пилить!

Бабушка выжидающе смотрела на меня и, не дождавшись моего ответа, продолжала начатую мысль:

– Забудь своего Даника! Школьная любовь, что укус комара: поболит, поболит и пройдёт. Твой папа влюблялся в каждом классе, а потом встретил твою маму, и прожили они, дай Б-г тебе так!

Такие беседы со мной бабушка проводила ежедневно и, когда неожиданно Елизавета Марковна предложила мне познакомиться с хорошим мальчиком, я согласилась.

Когда я этим обрадовала бабушку, она хитро посмотрела на меня и сказала:

- И кто ты думаешь, тебе сделал протекцию?
- Ты, – догадалась я.
- Ты угадала, – сказала бабушка. – Я поговорила с твоей балабостой по телефону. И она обещала тебе помочь. И я тебе скажу больше: я уже говорила с его родителями.
- Что? – от неожиданности у меня перехватило дыхание.
- Хорошие люди, – сказала бабушка. – Они из Белой Церкви. Приехали сюда три года назад и уже имеют русский магазин. А сын у них учится на компьютерщика. И Елизавета Марковна говорит, что, как только он окончит, они помогут ему открыть своё дело.
- Бабушка, – перебила я её, – ты так обо всём говоришь, как будто у нас завтра свадьба. Может, я ему не понравлюсь?
- Внучечка, не делай из меня молодую идиотку, – остановила мой порыв бабушка. – Если я и идиотка, то очень старая. А старая идиотка кое-что соображает. Разве ты можешь кому-нибудь не понравиться? Если такой найдётся молодой человек, то мы ему скажем до свидания!

Но до свидания мы Алику не сказали. Я ему понравилась, и мне почему-то начало льстить, что он выбрал меня. Он показался мне надёжным, прочным, сильным, ослепительно обворожительным: на него засматривались все девушки и с завистью смотрели на меня. Он это видел и подмигивал мне: смотри, как тебе повезло! Он закружил мне голову как-то быстро и легко. Я даже не заметила этого. Я просто вдруг поняла безнадёжность своих детских мечтаний. Поверила в правоту бабушкиных слов. И Данник ушёл из моих снов...

Бабушке Алик понравился с первого взгляда. И она, как сказала мне, стала ежедневно молиться, чтобы у нас что-то получилось.

– А гутэр хосун, хороший жених, – говорила она каждый раз, когда он заходил к нам. – С ним поговорить – всё равно, что ребе послушать!

Говорить он умел и любил, чтобы его слушали. Если с Данником в основном говорила я, то здесь я только внимала... Бабушка мечтала, чтобы мы быстро поженились, до моей армии, и тогда меня бы освободили от службы. Но Алик не спешил, сказав как-то мне, что сначала надо получить специальность. Он учился в университете, и ему до окончания учёбы дали отсрочку от армии. Он меня часто спрашивал, куда я собираюсь пойти учиться, и я всегда честно отвечала, что не знаю. И это ему не нравилось.

– Даша, – говорил он, хмурясь, – неужели ты всю жизнь собираешься проработать в магазине?

Конечно, я не собиралась этого делать, но почему-то говорила, что не знаю, как получится, и это выводило его из себя. Он даже бабушке пожаловался на меня. И бабушка сказала:

– Нельзя так вести себя! Ты же будешь дальше учиться! Так и скажи ему!

– А что, ему не всё равно? – сказала я.

– Не всё равно, – сказала бабушка. – И что ты видишь в этом плохого? Они хотят, чтобы ты училась.

– Ничего, – сказала я. – Только я хотела быть с ним такой, какая я есть! Я ему всегда говорю правду.

– Вот это не обязательно, – сказала бабушка. – Поверь мне, старухе, тысячи хороших пар распались из-за правды! Если он тебе не нравится, то, пожалуйста, говори ему правду. А если он нравится, то помолчи!

И я промолчала.

В армию я ушла в ноябре. И попала в элитные части, в командос. Бабушке я про это не сказала, а порадовала её, сказав, что меня взяли поваром!

– Лучше не придумать, – сказала бабушка, – они знали, что делают. Ты всю жизнь, как я тебя помню, кулинаришь.

Тут бабушка была права: я готовила всегда, папа с мамой пропадали на работе, и ответственной за еду в доме всегда была я, а теперь здесь я тоже занималась и покупками и приготовлением еды, и, даже служа в армии, ухитрялась во время увольнительных приготовить бабушке на неделю всего.

Алику я рассказала правду, но взяла с него слово, что он никому про это не расскажет. Бабушка была довольна, но её немножко пугало, что я появлялась дома с автоматом.

– Для чего повару такая игрушка? – говорила она. – Ещё, не дай Б-г, выстрелит! – и просила меня сразу же по приходу прятать автомат в шкаф.

Когда я приходила домой, бабушка пересказывала мне все местные политические новости, которые она узнавала из телевизионных новостей, как будто я возвращалась с необитаемого острова. Честно говоря, я слушала её рассказы одним ухом, но с внимательным лицом, чтобы не обидеть её. Так же, витая в мыслях где-то вдали от бабушкиной истории, я услышала от неё про захват террористами нашего самолёта. Они заставили его приземлиться в столице какого-то африканского государства. И сейчас требовали выпустить из израильских тюрем таких же газлуным, как они!

– А цурэс, – сказала бабушка, – они уже застрелили двоих пассажиров! Кто-то летел куда-то и на тебе! Там есть маленькие дети! А они говорят, что будут стрелять каждый день! Неужели наши будут молчать?

– Не будут, – успокоила я бабушку.

– Ты так думаешь или у вас про это говорят? – сказала бабушка.

– Говорят, – сказала я.

И попала в точку. У нас и вправду про это в это время уже говорили. Через час меня срочно вызвали в часть. А ещё через несколько часов мы были в ночном африканском небе...

А потом был короткий бой. И глаза террориста, почти моего ровесника. В его глазах был страх. Самое страшное, что может быть в человеческих глазах. Страх заставляет или сда-

ваться, или убивать. По его вздрагивающим зрачкам, я поняла, что сейчас он будет убивать! В какие-то доли секунды я свернулась калачиком у его ног, и автоматная очередь прошла надо мной. А в следующую секунду я, как сжатая пружина, выпрямилась, и, опережая его, выстрелила на взлёте. И увидела, как погасли его глаза. Потом они долго снились мне по ночам, и я плакала во сне, пугая бабушку.

Под утро мы вернулись назад. Командир нас обнял, всех по очереди, и сказал:

– Дай нам Б-г обходиться в этом мире без оружия! Дай нам Б-г! – и добавил: – мы умеем стрелять, но избавь нас от этого Б-г!

И мы разошлись по домам – отдыхать....

Бабушка с новостью встретила меня на пороге:

– Дашенька, ты знаешь: их освободили!

– Кого их? – спросила я.

– Она ничего не знает, – возмутилась бабушка. – Об этом говорят целое утро: освободили наш самолёт! Я знала, что мы не дадим им обижать наших! Какие молодцы наши солдаты! Сегодня нужно выпить за них абисалэ вайн! Надо выпить немножко вина! Я правильно говорю?

– Правильно, – сказала я.

И мы с бабушкой выпили по стаканчику бабушкиной наливки.

А потом я попробовала лечь и заснуть, но не спалось: как только я закрывала глаза, передо мной возникали угасающие глаза парня из самолёта. И он, мёртвый, стрелял в меня...

А потом позвонил Али. Бабушка принесла мне трубку в кровать. Я взяла трубку и неожиданно услышала:

– Даша, теперь ты можешь выходить замуж!

– Почему? – удивилась я Аликиным словам.

– Как писал Геродот, у сарматов девушек не брали замуж, если они не убили хоть одного врага!

– Откуда ты знаешь? – растерянно сказала я.

И он засмеялся:

– Вот и попалась! Я догадался, что ты освобождала заложников! Рассказывай, как ты убила врага.

– Я не хочу об этом говорить, – сказала я.

– Понимаю, – сказал он. – Рядом бабушка.

– Я просто не хочу про это вспоминать, – сказала я. – И никогда, пожалуйста, не спрашивай меня про это!

Но он спросил в тот же вечер. И очень обиделся, когда я отказалась ему рассказывать.

– Как будто я чужой! – сказал он.

– Нет, – сказала я, – потому что ты не чужой мне! И должен понять меня.

Но он не понял. А мне так хотелось, чтобы он меня понял...

И я рассказала ему всё, до конца, ничего не утаивая. И он сказал совсем не то, чего я ждала.

– Одним врагом у Израиля стало меньше, – сказал он и добавил: – первый раз убивать трудно, потом будет легче.

– Я не хочу, чтобы было потом, – ответила я и повторила слова нашего полковника: – мы умеем стрелять, но избавь нас от этого Б-г!

А потом было серое жгучее утро. Дул хамсин. На остановке народу было много: автобус что-то запаздывал. Не далеко от меня маленький мальчик – араб, на вид лет трёх-четырёх, играл с заводной машинкой. Машинка носилась между стоящими людьми и то и дело цеплялась всем за ноги, и мама мальчика покрикивала на него:

– Али, ты всем мешаешь. Успокойся.

Но малыш не слушался. Видно игрушку ему купили не так давно, и он никак не желал расставаться с интересной игрой.

И в это время мужчина заметил стоящую беспризорную сумку. Толпа на остановке в момент стала образовывать вокруг сумки пустоту, и в это время машинка, зацепившись за чей-то ботинок, развернулась и помчалась к сумке. И малыш побежал за ней!

– Али! – закричала в отчаянии женщина.

Я обернулась и мгновенно поняла, что машинка раньше уткнётся в сумку, чем малыш догонит её. И в отчаянном прыжке накрыла собой малыша. И грянул взрыв...

Очнулась я в госпитале. Первое, что спросила:

– Как мальчик?

– Ни одной царапины, – сказал врач. – А у вас царапины есть, но, слава Б-гу, все наружные. Взрывом подбросило навес на остановке. И он накрыл вас с мальчиком, как щитом.

– Щитом Давида, – сказала медсестра, – он спас вас.

– Я долго была без сознания? – спросила я.

– Не очень, – сказала медсестра.

– Мне можно позвонить бабушке? – спросила я.

– Пожалуйста, – сказала медсестра.

Но я побоялась звонить бабушке, чтобы не напугать её, и позвонила Алику.

– Ты с ума сошла, – первое, что сказал он мне.

– Почему? – спросила я.

– Спасает араба!? Как последняя дура!

– Может быть, – сказала я.

– Что может быть? – спросил Алик.

– Что я дура, – сказала я. – Но лучше быть душой и кого-то спасти, чем быть умной и дать кому-то погибнуть!

И положила трубку. А потом позвонила бабушке.

– Я всё уже знаю, – сказала она. – Мне звонила мама мальчика и сказала, что ты ей, как сестра. А её муж Хасан тебе, как брат.

– Ты поняла, что она тебе сказала? – удивилась я.

– За кого ты меня принимаешь?! – сказала бабушка. – Когда я услышала, что мне что-то говорят про тебя, я сказала, подождите минуту и побежала к нашей соседке с третьего этажа, и Цылечка мне всё перевела на идиш! И теперь я знаю, что в нашей мишпохе, кроме белорусов, евреев, грузин, появились и арабы.

– Откуда грузины? – спросила я.

– От твоего дяди Самуила, – сказала бабушка. – Он привез в Бобруйск такую красавицу из Рустави, что половина города по утрам ходила к его дому смотреть, как эта красавица расчёсывает на балконе свои косы.

А потом бабушка осторожно спросила:

– А ты звонила Алику?

– Звонила, – сказала я таким голосом, что бабушка, все поняв, ничего не переспросила.

ДАНИК

Я очень медленно взрослел. Хотя вытянулся к двенадцатому классу, догнал своих сверстников и даже их обогнал.

– Скоро будешь, как Майкл Джордан, – шутил папа.

Я поступил в Yale University на врача, и после первого курса меня направили по программе обмена студентами на год в Сорбонну в Париж.

– Теперь я взрослый, – сказал я папе.

– Почему ты так решил? – спросила мама.

– Потому что вы отправляете меня одного во Францию, – сказал я.

– И что ты этим хочешь нам сказать? – спросила мама.

– Что на каникулы я из Парижа поеду в Краснополье, – сказал я, – и найду Дашу.

– Может, она давно вышла замуж, – осторожно сказала мама.

– Может, – согласился я, – но я об этом должен знать.

– Если кто-то об этом знает в Краснополье?! – сказал папа. – Там, наверное, не осталось ни одного знакомого человека.

– Кто-нибудь да остался, – сказал я.

– Пусть едет, – сказала мама, – иначе он никогда не успокоится.

А мне сказала: „Но если ты ничего не узнаешь о ней, снимаешь её портрет над кроватью и ищешь себе невесту. Договорились?”

Я согласился. Я сейчас согласился бы на всё: главное, что мне разрешили ехать в Краснополье. Я не верил вернувшимся письмам.

И в первую же свободную неделю я поехал в Беларусь. Добравшись до Могилева, я взял билет на Краснополье. И здесь же на автовокзале неожиданно встретил Саньку Дылдина, Царского палача. Он очень изменился, постарел, пополнел и, как мне показалось, даже стал ниже. Первым он меня узнал. Замер, широко вытаращив глаза. А потом удивленно сказал:

– Вы же уехали в Америку?!

– Уехали, – успокоил я его. – А вот теперь приехал в гости.

– К кому? – спросил он.

– Ко всем, – сказал я.

– В Краснополье едешь? – спросил он.

– Да, – сказал я.

– На какой рейс? – поинтересовался он.

– Сейчас, – сказал я, и он обрадовался:

– Значит, на моём автобусе. Я шофером работаю на междугородних рейсах, – он ещё раз внимательно посмотрел на меня и восхищенно сказал: – Глазам не верю, что это ты! Тебя не узнать – настоящий американец. Небось, по-английски шпаришь лучше нашей Марии Яковлевны?

– Шпарю, – признался я.

– А из нашего класса в Краснополье я остался один. Женился, пацана уже имею. В общем, старею, – сказал Санька и вздохнул почему-то.

– А ты знаешь, где кто? – спросил я.

– Откуда я знаю?! – развел руками Дылдин. – Знаю только, где Царь. Не поверишь, когда услышишь!

– Почему не поверю? – сказал я.

– А потому что он в Германии. Женился на еврейке из Кричева и укатил с ней в Дюссельдорф, – Санька вдруг стукнул себя по лбу и сказал: – тараторю с тобой полчаса, а у кого собираешься остановиться, не спросил.

– В гостинице, – сказал я.

– Никаких гостиниц, – сказал Санька. – У меня остановишься. Кстати, ты мою жену знаешь, вашей соседки Карповны дочка.

Мы говорили с Санькой до самого отхода автобуса, потом он посадил меня на приставное сиденье возле себя, и мы продолжали разговор до самого Краснополья. Говорили обо всём, но главный интересовавший меня вопрос я всё отодвигал и отодвигал на потом, боясь получить не радостный для меня ответ. Но перед самым Краснопольем, когда уже проехали льнозавод, я не выдержал и спросил:

– А ты не знаешь, где Даша?

Санька удивленно посмотрел на меня и сказал:

– А я думал, вы переписываетесь? Хотел только что про неё у тебя спросить.

– Я не знаю, где она, – сказал я.

– Они уехали через несколько месяцев после вас, – сказал Санька. – Её родителей перевели куда-то в Гомельскую область. Она всем говорила куда, но убей меня, я не помню... Вот и всё, что я знаю, – сказал он и виновато развёл руками.

– И никто не знает? – переспросил я.

– Никто, – сказал Санька.

И мы начали говорить о чём-то ином. Потом мы ещё долго говорили у Саньки на кухне за бутылкой смирнофской водки, я слушал его, о чём-то говорил сам, но мысли кружились вокруг Даши, как бабочки вокруг свечи, и, натываясь на пламя, сгорали, обжигая меня. А потом, под утро, Санька сказал:

– А Царь хвалился, что это его маманя перекинула Дашкиных батьков поглубже в радиацию. Чтобы Советскую власть уважали! – Санька закурил, затянулся, выпустил ровное круглое кольцо из дыма, какое в школе умел делать только он, и, выругавшись, сказал: – Дураки они! Больше радиации, чем в нашем Краснополье, нигде нет!

Я не знал, что мне делать дальше. Утром Санька взял мне билет на трёхчасовой рейс на Могилёв. Я привез целый чемодан сувениров для знакомых, но из знакомых в посёлке остался лишь Санька, и я весь чемодан оставил ему. Оставил себе только Барби.

ЛЕГЕНДА О ПОСЛЕДНЕМ КРАСНОПОЛЬСКОМ ЕВРЕЕ

Санька утренним рейсом поехал на Костюковичи, а я пошёл на кладбище. Убрал могилы, все подряд, ибо я не знал, где точно лежат мои бабушки и дедушки. Папа мне объяснял перед отъездом, но на заросшем травой кладбище трудно было что-то отыскать. Убрал всё, что смог, я сел передохнуть на огромный валун, что лежал у кладбищенской ограды. Я сидел задумавшись и не заметил, как ко мне подошёл человек.

– Устали? – спросил он.

Я поднял глаза: возле меня стоял пожилой седой мужчина в клетчатой фланелевой рубашке и потёртых джинсах.

– Устал, – честно признался я.

– Давно сюда никто не приходил, – сказал мужчина и внимательно посмотрел на меня. – Вы случайно не внук Эты-белошвейки?

– Внук, – кивнул я.

– Вы случайно не из Америки? – спросил мужчина.

– Случайно, да, – улыбнулся я и сказал: – я пытаюсь вспомнить вас и не могу: не узнаю.

– А откуда вам меня знать, – сказал мужчина. – Когда вы уезжали из Краснополя, в посёлке было абисалэ идын (немножко евреев) и не было меня. А сейчас здесь нет ни одного еврея, и есть я.

– Раз вы есть, значит, есть евреи, – заметил я.

– Я – это другой вопрос. Я не просто еврей, а Последний Еврей Хаим Рабинович.

– Я знал здесь Рабиновичей, – сказал я. – Вы случайно не их родственник?

– В каком-то смысле да, а в каком-то нет, – сказал мужчина. – Я Рабиновичам такой же родственник, как и вам. Я Хаим, потому что все евреи Хаимы, и Рабинович по той же причине. А отчество, конечно, Соломонович. Это вам о чем-то говорит?

– Нет, – сказал я и с любопытством посмотрел на мужчину.

– Тогда я вам объясню, – сказал мужчина. – Когда Б-г разбросал евреев по всему миру, он сказал всем живущим: не гоните этих людей от себя. Разрешите им жить с вами. Ибо пришли они к вам не по своей воле, а по моей. И с ними пришло на вашу землю благословение. А если уйдут они с вашей земли не по своей воле, а вами гонимые, то навеки уйдет благодать от вас. Только не все эти слова сердцем слушали.., – вздохнул мужчина, утёр пот со лба. – Где евреи ушли гонимые, где по своей воле края покинули. И решил Б-г в тех местах, откуда по своей воле ушли евреи, поселить Последнего Еврея. Пока память в тамошних людях о евреях жива, живёт в их краях Последний Еврей, а с ним и Б-жье благословение. Вот я и есть Последний Краснопольский Еврей. Живу, чтобы здесь земля родила, чтобы счастье в дома заходило... Так что я родственник всех здешних евреев! Всех их знаю, про всех помню. И вашего папу знаю, и вашу маму помню. И знаю, что на врача вы учитесь. Ваша бабушка не поверила бы, что внук её доктором будет! – мужчина хитровато посмотрел на меня и сказал: – Чувствую, что вам хочется о чём-то спросить старого Хаима. Так вы спрашивайте, не стесняйтесь. Рабинович много чего знает!

И я спросил про Дашу. Мужчина прищурил глаза, как будто попытался что-то посмотреть вдали, помолчал минуту, а потом сказал:

– Она далеко отсюда. И даже дальше, чем вы думаете. Вы, конечно, знаете такой город Тель-Авив?

– Знаю, – сказал я.

– А вы знаете там Шалом Тауэр? Конечно, не знаете. Но если от него идти прямо, а потом направо, а потом опять прямо, и зайдёте за угол, то попадете как раз туда, куда вам надо. Она в госпитале.

– В госпитале?! – вскрикнул я.

– Не волнуйтесь. Я вижу немножко дальше, чем вы, и я вам скажу, что впереди всё хорошо. Хотя где вы встречали еврея, у которого всё хорошо? Я вижу, вы готовы лететь в Тель-Авив прямо из Краснополя. Но я вам скажу, пока такого рейса не имеется.

Мне хотелось чем-то отблагодарить мужчину, и я спросил:
– Может, я могу вам чем-то помочь? У меня есть доллары.
– У него есть доллары? Он Ротшильд! Молодой человек, поберегите эти деньги для себя. Они ещё вам пригодятся. А я, слава Б-гу, имею ещё здоровье и имею приличную работу.
– Кем вы работаете? – спросил я.

Мужчина удивленно посмотрел на меня:
– Я же вам полчаса говорю, кем я работаю, а вы все ещё меня спрашиваете? Повторяю: я работаю Последним Евреем! Кем ещё может работать Хаим Рабинович!

Потом он вдруг стукнул себя по голове:
– До отхода вашего автобуса осталось полчаса, и ваш знакомый ищет вас по всему Краснополью, вон он уже спешит сюда, как Моня на хупу, – и мужчина показал на приближающийся старенький „Пазик”.

Санька резко развернул машину возле нас и, притормозив, сказал:
– Здравствуйте, Хаим Соломонович! Извините, забираю Даника. Его автобус через полчаса уходит. Может, вас до центра подбросить?

– Спасибо за хорошие слова, но мне спешить некуда, – сказал мужчина. – И, вообще, в моём возрасте полезно ходить пешком.

По дороге до автостанции я спросил Саньку про Рабиновича.
– Умный мужик, – сказал Санька, – во всём мастер, и плотничает, и сапожничает, и костюмы шьёт, и в машинах разбирается. Я как-то ехал с ним из Почепов, и мотор заглох. Полчаса я возился, и ни с места. А он с минуту покопался в нём, и мы поехали. Я как-то ему говорю, все ваши из Краснополья уехали, а вы, наоборот, приехали. С чего это? Так он шуткой отговорился. Говорит, в каждом посёлке надо одного еврея держать, чтобы не забыли, как евреи выглядят.

ДАША

Я весь день ждала, что Алик перезвонит. Но он не позвонил. Несколько раз звонила бабушка. И больше никто. Я долго не засыпала. А потом где-то под утро задремала. Проснулась от прикосновения. Подумала, что медсестра принесла таблетки. Медленно открыла глаза и увидела Даника. Он держал в руках Барби. И первое, что я сказала ему:

– Ой, Даник, какой ты стал высокий!

Не знаю, почему я это сказала. Он улыбнулся мне и сказал:

– До тебя старался дотянуться!

Я протянула к нему руки, и он обнял меня. И я прижалась к нему и заплакала. От счастья тоже плачут.

Марат БАСКИН.